

Цзян Жунъи моргнул, глядя на толпу темных воинов, и в его глазах не было ни тени страха.

Напротив, бесстрашные прежде воины внезапно ощутили необъяснимый ужас. Их движения сковало, и они замерли, перестав подчиняться воле хозяина.

Цзян Жунъи встал прямо, взмахнул правой рукой, ладонью вверх, и, слегка приоткрыв губы, произнес всего два слова.

Голос его прозвучал тихо, но каждый присутствующий услышал их отчетливо:

— Меч, ко мне!

Ханьтаньфэн, секта Шанъянь.

Меч Десяти Адов, вонзенный в вечную мерзлоту, дрогнул, сбрасывая слой снега. Почувствовав зов хозяина за тысячи ли, он без чьей-либо помощи вырвался из ледяного плена и уже готов был сорваться с места, превратившись в полосу света.

В этот критический момент в тишине Ханьтаньфэн раздался звон металла. Бесчисленные черные цепи переплелись над вершиной, закрыв солнечный свет и преградив путь мечу.

Меч Десяти Адов с размаху ударился о преграду. Непобедимое оружие, равного которому не было в мире, теперь не могло даже повредить цепи и с грохотом рухнуло обратно в снег.

Меч не сдавался, раз за разом бросаясь в атаку. Наконец, цепи, до этого лишь пассивно оборонявшиеся, не выдержали. С глухим гулом они сжались, намертво сковав клинок и не давая ему пошевелиться.

Меч вибрировал всё быстрее, дробя лед в радиусе десяти ли, словно пытаясь вырваться или торгуясь с судьбой. Но цепи оставались непреклонны, верно исполняя приказ своего господина.

Поняв, что побег невозможен, меч затих, став похожим на обычный кусок железа. Лишь цепи продолжали туго обвивать его корпус. С неба беззвучно падали снежинки, укрывая их белым саваном.

Время словно остановилось. Все присутствующие ждали реакции Цзян Жунъи. Он замер в той

же позе на несколько минут, но ничего не произошло.

Тянь Хуа, до этого уверенный в своей победе, вдруг напрягся, пристально наблюдая за противником: что же за смертоносный прием тот приготовил?

Спустя еще мгновение Цзян Жунъи неловко опустил руку и потер нос. Хорошо, что свидетелей почти не осталось, а то не миновать бы насмешек. Выглядело всё так пафосно, а в итоге — никакой реакции.

Где же меч?

Цзян Жунъи — истинный хозяин меча, и даже на расстоянии тысяч ли клинок должен был прилететь на его зов. Кто бы мог подумать, что меч его проигнорирует.

Ладно, обойдемся и без него.

Цзян Жунъи завел руки за спину и продолжил путь к арене. Теневые воины, на мгновение остолбеневшие, наконец вспомнили приказ хозяина. Их заржавевшие суставы со скрипом провернулись, и мечи, топоры и клинки устремились к Цзян Жунъи.

Он не обратил на них никакого внимания, даже не замедлил шага. Но как только оружие приближалось к его телу, воины рассыпались, словно снег под лучами солнца, превращаясь в клочья черного тумана.

Подобно тому, как Моисей раздвинул море, там, где проходил Цзян Жунъи, теневые воины исчезали без следа.

— Ты... кто ты такой? — Тянь Хуа наблюдал, как Цзян Жунъи медленно поднимается на арену.

Теневые воины подчинялись лишь тем, кто практиковал темные искусства, и только такой человек мог заставить их обратиться в ничто.

Цзян Жунъи слегка улыбнулся:

— Я же говорил: я твой отец.

Тянь Хуа сжал веер в руке:

— Кем бы ты ни был, сегодня ты умрешь.

— О? — Цзян Жунъи приподнял бровь. — Это лицо придало тебе уверенности?

Тянь Хуа не ответил, вместо этого он метнулся вперед, используя острые спицы веера как оружие. Цзян Жунъи легко отразил атаку, зажав веер двумя пальцами. Тянь Хуа попытался выдернуть его, но пальцы противника были тверды, как сталь.

— Хочешь вернуть? — Цзян Жунъи покрутил веер. — Позови папочку, и я отдам.

Лицо Тянь Хуа помрачнело. После короткой схватки в его голове возникла пугающая догадка:

— Кто ты на самом деле?

Цзян Жунъи отпустил веер и понизил голос:

— Я твой папочка.

Раздался гул, и чей-то брошенный на арене бесхозный меч взмыл в воздух, упав прямо в руку Цзян Жунъи.

— Носишь мое лицо, ранишь моего мужчину, — голос Цзян Жунъи звучал нежно, почти как признание в любви, но в нем сквозила холодная угроза. — Ты... действительно жить надоел.

Сверкнула сталь. Один удар.

Иней от этого взмаха сковал четырнадцать провинций.

В башне Чжайсин круглый год цвела сакура. Но в тот же миг, когда Цзян Жунъи нанес удар, цветы начали увядать. Всего за мгновение нежные лепестки превратились в серую пыль. Тысячелетняя сакура отцвела.

Это увядание распространялось от Цзян Жунъи, словно чума, перекидываясь с дерева на дерево, пока вся башня не лишилась своего розового очарования.

Это произошло слишком быстро. Тянь Хуа даже не успел осознать, что меч пронзил его тело. Его лицо, как и цветы сакуры, начало стремительно дряхлеть, маскировка растаяла, обнажая истинный облик — простого, ничем не примечательного юношу, который затерялся бы в любой толпе.

— Угх... — Тянь Хуа открыл рот, пытаясь что-то сказать, но захлебнулся кровью. Он лишь беззвучно прошептал: — Владыка... Десяти... Адов.

Только они двое знали правду. Обычный меч не выдержал мощи меча Десяти Адов и рассыпался на куски.

Цзян Жунъи не ответил, но его аура говорила сама за себя. Властный меч разрушал его собственное тело, однако на лице Тянь Хуа не было боли — лишь облегчение.

— Значит, ты не... — губы Тянь Хуа задрожали, но он не успел закончить фразу. Его глаза закрылись, и он рассыпался прахом, не оставив даже тела.

Цзян Жунъи постоял на месте, где исчез Тянь Хуа, а затем развернулся и пошел прочь.

Хозяйка башни Чжайсин подняла голову, глядя на сакуру. Только одно дерево за ее спиной уцелело и продолжало цвести.

— Время цветения вышло... — тихо прошептала она.

С порывом ветра лепестки и этого дерева сорвались вниз, оставив лишь голые ветви.

Чжоу Сывэй, до этого пребывавший в беспамятстве, открыл глаза. Первым, кого он увидел, избавившись от терзавших его демонов сердца, был Цзян Жунъи, идущий на фоне опадающих лепестков сакуры.

В глазах Цзян Жунъи еще не угасла ярость, смешанная с неземной красотой, отчего он казался еще более опасным. Но прежде чем Чжоу Сывэй успел залюбоваться, он увидел, как Цзян Жунъи вздрогнул и выплюнул кровь. Тот попытался прикрыть рот рукой, но алые капли просочились сквозь пальцы.

Тело Цзян Жунъи было на пределе, и то, что он мог двигаться, уже было чудом. Энергия, наполнявшая его, иссякла, сменившись изнуряющей слабостью. Он сделал еще шаг, но силы окончательно покинули его. Он уже готов был рухнуть на землю рядом с местом, где недавно стоял Тянь Хуа, но Чжоу Сывэй успел подхватить его.

Он опустился на одно колено, бережно уложив Цзян Жунъи на сгиб локтя. Розовый лепесток упал на щеку Цзян Жунъи. Чжоу Сывэй осторожно смахнул его, но случайно раздавил, оставив на бледной коже след розового сока.

Кожа Цзян Жунъи была такой белой, что этот след казался ярким пятном. Чжоу Сывэй провел пальцем, чтобы стереть его, но вместе с соком стерлась и часть белой пудры. Под ней проступила алая метка.

Движение Чжоу Сывэя замерло. Цзян Жунъи спал и не мог помешать ему. Маскировка была легко удалена, открыв знакомый алый узор облаков.

Белоснежная кожа, соблазнительный узор у глаз.

Оказалось, что тот, о ком он тосковал днями и ночами, и тот, о ком он грезил, — один и тот же человек.

Он склонился и с благоговением поцеловал Цзян Жунъи в уголок глаза. С каждым его движением метка снова скрывалась под чарами. Чжоу Сывэй не хотел допытываться, почему Цзян Жунъи скрывает свою личность. Раз он не хочет, чтобы другие знали, пусть это останется их секретом.

В сердце Чжоу Сывэя разлилась радость. Он крепко обнял того, кто был у него на руках, словно обрел весь мир.

В башню Чжайсин нагрянули неожиданные гости. Все из-за того, что сакура внезапно завяла. Хозяйка башни, будучи женщиной состоятельной, приказала выкорчевать засохшие деревья и посадить на их месте персиковый сад, что привлекло множество перелетных птиц.

Птицы эти были полумагическими, но разума не имели — просто красивые перья и мелодичное пение. Их решили оставить в покое. Однако даже самое прекрасное пение надоедает, если слышишь его каждое утро.

Цзян Жунъи, спавший несколько дней, проснулся от назойливого чириканья. С трудом разлепив глаза, он посмотрел в потолок, пытаясь подавить раздражение, но в итоге встал и распахнул окно.

Скрипнув, створки открылись, и утренний прохладный ветер немного освежил его. Цзян Жунъи встретился взглядом с пухлой синей птицей. Она не испугалась и, сидя на карнизе, смотрела на него черными глазами-бусинками.

«Глуповатая», — решил Цзян Жунъи.

— Брысь, — махнул он рукой.

Птица вспорхнула, но улетела недалеко, опустившись на ветку персика, и продолжила смотреть на окно.

Избавившись от шума, Цзян Жунъи хотел было вернуться в постель, но заметил под навесом напротив двух людей. Прищурившись, он узнал их: Чжоу Сывэй и Мужун Ляньсинь.

Спать расхотелось. Он облокотился на подоконник, наблюдая за их встречами. Мужун Ляньсинь ведь была первой любовью Чжоу Сывэя. А для мужчин первая любовь всегда остается особенной.

Мужун Ляньсинь была тяжело ранена, но благодаря запасам редких лекарств выжила. Сейчас она выглядела болезненной, что придавало ей лишь больше шарма.

— Сывэй! — она окликнула его, держа в руках красную шкатулку. — Это дерево, пораженное молнией, которое просила передать хозяйка башни.

Чжоу Сывэй спешил к Цзян Жунъи и не хотел тратить время на эту женщину, но, услышав про «дерево, пораженное молнией» — вещь, необходимую Цзян Жунъи, — остановился.

Он взял шкатулку, и их пальцы невольно соприкоснулись. Лицо Мужун Ляньсинь зарделось, в глазах застыло обожание:

— Сывэй...

Чжоу Сывэй нахмурился. Он не называл этой женщине своего имени, откуда она его знает?

Он не стал вдаваться в подробности, но ему не понравилось такое обращение:

— Мы не знакомы. Прошу вас, ведите себя прилично.

Лицо Мужун Ляньсинь побледнело, глаза наполнились слезами:

— Ты все еще злишься на меня? Прости, я не хотела расторгать помолвку, но мои родители, мой род...

Голос ее дрожал, слезы катились по щекам — она была идеальной жертвой, разлученной с любовью всей жизни. Хотя на самом деле Мужун Ляньсинь была в ярости. Если бы не тот разрыв, она была бы женой главы секты Шанъянь, пользовалась бы почетом и уважением! А теперь? Она лишь ученица хозяйки башни. Мысль об упущенном богатстве заставляла ее едва ли не выть от досады.

Чжоу Сывэй не понял ни слова из ее оправданий и холодно произнес:

— Прошу, дайте пройти.

— Сывэй! — она попыталась схватить его за рукав, но он увернулся.

— Девушка, я вас не знаю, никакой помолвки между нами не было. Не распускайте слухов.

Поскольку она преграждала путь, Чжоу Сывэй просто взмыл в воздух и приземлился на этаже Цзян Жунъи. Мужун Ляньсинь осталась стоять в растерянности. Она даже не подумала, что

Чжоу Сывэй мог потерять память, она решила, что он настолько ее ненавидит, что даже не хочет признавать знакомство. Гордая Мужун Ляньсинь, униженная таким приемом, в слезах поспешила прочь, боясь, что ее увидят другие ученики.

Цзян Жуньи, наблюдавший за всем этим, вздрогнул, когда Чжоу Сывэй внезапно возник перед ним. Он молча подвинулся.

— Входить через окно, когда есть дверь? — Цзян Жуньи выглянул наружу, убедившись, что Мужун Ляньсинь ушла, и усмехнулся: — Красавица преградила путь, затуманила взор?

Чжоу Сывэй ответил серьезно:

— Только ты.

Цзян Жуньи не ожидал такого от обычно сдержанного Чжоу Сывэя и не нашелся, что ответить.

Чжоу Сывэй протянул шкатулку:

— Дерево, пораженное молнией.

Внутри, на красном бархате, лежал небольшой кусочек обугленной древесины, на конце которого пробивался крошечный зеленый росток. Цзян Жуньи взял его в руки и ощутил легкое покалывание — остатки небесной энергии.

— Уван... — начал Чжоу Сывэй, но тут же осекся.

— Как ты меня назвал? — переспросил Цзян Жуньи.

— А? — Чжоу Сывэй поправился: — Жуньи.

Он уважал желание Цзян Жуньи скрывать свою личность.

— Как ты себя чувствуешь? — заботливо спросил он.

Цзян Жуньи пошевелил руками. Все было в порядке — остатки энергии системы поддерживали его жизнь. Ему нужно было спешить в Бескрайнее море за своими духовными костями.

Сто лет назад финальная битва произошла именно там. Чтобы не пострадали простые люди, они выбрали отдаленное место, где Цзян Жуньи погиб, а его тело было разрушено. Часть его духовных костей осталась в Бескрайнем море. Ему нужно было вернуть их, чтобы восстановить силы в полной мере.

И — чтобы помочь Чжоу Сывэю успешно вознестись.

У него оставалось всего полгода. Время уходило, как вода сквозь пальцы. Цзян Жунъи не мог позволить себе роскошь разбираться в чувствах Чжоу Сывэя, ему приходилось действовать жестко, чтобы завершить миссию.

Так же, как тогда, когда он заставил Чжоу Сывэя убить его собственными руками.

— Все хорошо, — ответил он спустя мгновение. — Сколько я был без сознания?

— Семь дней, — ответил Чжоу Сывэй.

Если бы не тот факт, что Цзян Жунъи просто спал и его жизни ничего не угрожало, Чжоу Сывэй давно бы перебил всех адептов темных искусств в округе.

Цзян Жунъи подсчитал время: полмесяца уже прошло. Нужно было пересечь Байюйцзин, чтобы добраться до Бескрайнего моря.

— Мы задержались. Отправляемся прямо в Байюйцзин.

Чжоу Сывэй не возражал. Неважно куда — важно, с кем. Если рядом Цзян Жунъи, он готов пройти хоть через ад.

К счастью, башня Чжайсин поддерживала хорошие отношения с Байюйцзином, и там был портал. Это сэкономило время, позволяя преодолеть тысячи ли за четверть часа.

Чжоу Сывэй отправился к ученикам башни, чтобы договориться об использовании портала. Ему сказали, что решение принимает только хозяйка башни.

Башня Чжайсин понесла огромные потери во время собрания, но хозяйка, казалось, не принимала это близко к сердцу.

— Глава секты Чжоу, — улыбнулась она. — Я уже отправила счет в секту Шанъянь.

<http://bllate.org/book/22488/2371120>